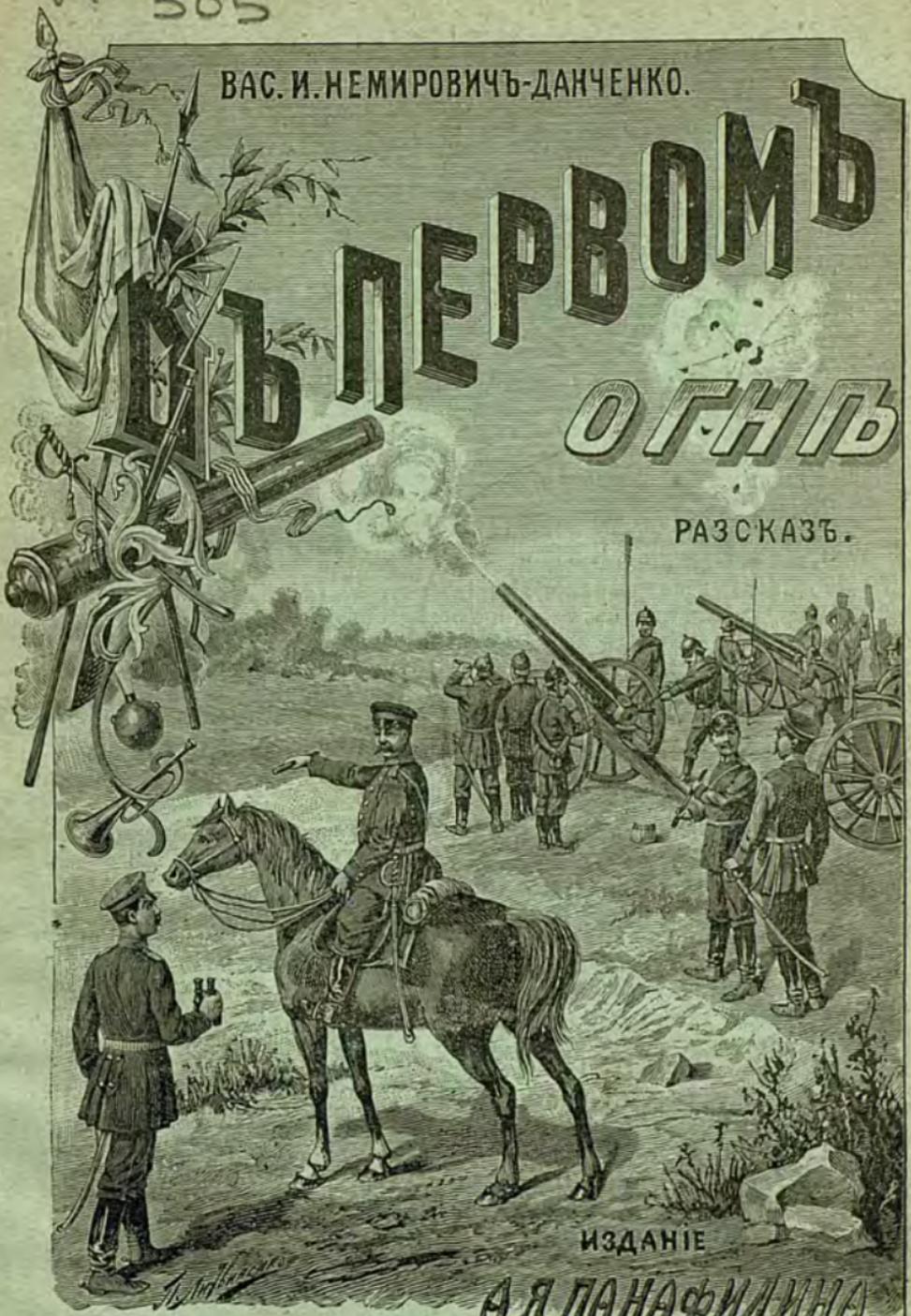

201
505

ВАС. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

ВЪ ПЕРВОМЪ ОГНЬ

РАЗСКАЗЪ.

ИЗДАНИЕ

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Александровъ Н.

**ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ
ПРОМЫШЛЯЕТЪ.**

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя стени). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 5-е. Крымъ (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г. ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущены въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народн. бібліотеки и читальни, и для публичныхъ народн. чтеній.

Чтеніе 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы). М. 1899 г., ц. 15 к.

Чтеніе 8-е. Камчадалы и Курильцы. (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ). М., 1899 г., ц. 15 к.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соответствующей гесту.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографія: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофеича, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 в. Съ картинкою на обложкѣ.

Дюфрень, I. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разстановки и др. ходовъ шахматъ. М., 1897 г., ц. 50 в.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ учебника нѣмецкаго языка Ивана Аллендорфа, ч. I. и II. Составленъ по послѣднему изданію. М. 1899 г., ц. по 15 коп. кажд. часть.

— Къ полному курсу французскаго языка А. Шалланда, по послѣднему изданію. Съ прибавленіемъ перевода статей съ французскаго языка на русскій и обратно. Ч. I-я. М. 1898 г., ц. 20 в.

— Тоже, ч. II. М. 1899 г. ц. 35 в.

Колокольникова, В. Кавказъ, очеркъ. М., 1898 г., ц. 15 в. Съ картинкою на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народн. чтеній.

Ея же. Церковно славянскій словарь, Для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтыри и Часослова. С.-Пб., 1897 г., ц. 10 в.

Дозволено цензурою. Москва, Юня 16 дня 1899 г.

2007052719

Р-9277-36

Оленька.

Изъ военного воспоминанія

— Видите ли, мы еще и веселиться находимъ время!..

Армейскіе музыканты гремѣли во всю, стараясь недостатокъ искусства наверстать усердіемъ. Старшой махаль руками и одушевляль исполнителей голосомъ. Когда команда его забирала не туда, куда слѣдуетъ, онъ начиналь напѣвать мотивъ; на литаврищика, который, зажмуривъ глаза, стучаль во всю, онъ ораль, стараясь перекричать жалобныя, хотя и громкія стенанія мѣдныхъ трубъ, точно молившихъ о пощадѣ... Маленькій, юркій жидокъ, когда около посвистывали пюльки, выводилъ на флейтѣ такія ноты, которыя, если вѣрить путешественкамъ, привели бы въ неистовый восторгъ китайскихъ меломановъ; громадная труба около, казалось была похищена у одного изъ тѣхъ доблестныхъ воиновъ Иисуса Навина, заставившихъ своею музыкою пасть стѣны горделиваго Іерихона... Не успѣлъ Верховцевъ и сопровождавшіе его офицеры дойти до оркестра, какъ онъ стихъ на такой оглушающей

потѣ, что разомъ изъ болгарской землянки выскочила какая-то робкая собаченка и съ чувствомъ самой крайней обиды начала лаять на музыкантовъ и на солдатъ...

— Что это у нихъ трубы какія?

— А что!..

— Перебиты...

— Что это съ твоимъ инструментомъ случилось? обернулся офицеръ къ одному изъ полковыхъ Орфеевъ.

Орфей равнодушно взглянулъ на трубу.

— Ранена въ дѣлѣ съ турками 30-го августа, вашъ-бродь!.. Турка ее кокнулъ...

— А какую вы пьесу играли сейчасъ?

— Номеръ тридцатый-съ...

— Какъ?

— Номеръ тридцатый... Мы по номерамъ, по порядку, значить...

Обратились къ другимъ—оказался все тотъ же номеръ тридцатый...

Спрѣсили у старшого—и такъ же: номеръ тридцатый...

— А сейчасъ, ваше благородіе, номеръ тридцать-первый пойдетъ, этотъ номеръ веселый... Самый легкій—подъ танецъ гождь...

— Да гдѣ же капельмейстеръ вашъ?

— Они—въ охотникахъ.

— Что такое? изумился Верховцевъ,

— Въ охотникахъ. Охотниковъ вчера вызывали—къ туркамъ, чтобы въ Крышино пройти—ну, онъ и пошелъ съ ними тоже.

— Оригинальный капельмейстеръ!..

— У этого Гофмана страсть—въ огонь лазить. Его ужъ и ранили разъ—нейметса... Ну, теперь въ нашъ клубъ пожалуйте.

Болгарскій домъ состоялъ изъ двухъ комнатъ. Въ каждой стояло по одному длинному столу. Офицерство сидѣло уже за обѣдомъ, когда наши спутники вошли туда. Первые минутыя неловкости скоро смѣнились полною безцеремонностью. Верховцевъ отрекомендовался. Полковникъ затащилъ его во вторую горенку, гдѣ сидѣли непомѣстившіеся въ первой...

— Ну слава Богу... Мы вамъ рады! встрѣчали Верховцева.

— Теперь хоть родные узнаютъ, гдѣ мы, что мы дѣлаемъ... Оствайтесь у насъ Общество чудесное; товарищество тоже, начиная отъ генерала и кончая самымъ зеленымъ прапорщикомъ.

— Да, я сюда надолго.

— Вотъ и чудесно!.. У насъ и поваръ кстати отыскался отличный; такими обѣдами насъ кормить—первый сортъ!

— На всѣхъ позиціяхъ голодаютъ.

— Устроиться не умѣютъ,—оттого и голодаютъ. Посмотрите—мы сплотились, и чудесно. И дешево, и сердито.

— У насъ вотъ какъ—бросьте нашему Ефиму сапогъ—онъ вамъ изъ него бифштексовъ надѣлаеть!..

— А вы слышали, какъ онъ генеральскаго быка забралъ?

— Ну?.. Ну...—заинтересовалось офицерство.

— У генерала провизіи не хватило—послалъ быка купить. Солдатъ придурковатый попался. Заколлъ быка, привезъ, а самъ спрашиваетъ: гдѣ генеральская кухня? Нашъ Ефимъ ему на встрѣчу —мигомъ сообразилъ, въ чемъ дѣло.—Вези сюда!—ореть:—я поварь.—Солдатишко къ нему, свалилъ тушу—и радъ. Зато какіе же онъ намъ щи сварилъ тогда, какимъ жаркимъ угостилъ — первый сортъ!..

— А что наша Оленька подѣлываетъ?.. Не слышать ея сегодня,—отозвались въ концѣ стола.

— Оленька! Ольга Васильевна!

Молоденькій румяный офицерикъ покраснѣлъ, какъ ракъ и попробовалъ сдѣлать строгое лицо.

— Что вы это, Оленька, сегодня столь мрачны?

— Во-первыхъ, я не Оленька, а подпоручикъ Орѣховъ.

— Дѣвушка-гусаръ!..

— А во-вторыхъ, я разъ навсегда просиль васъ, господа, оставить эти глупыя шутки...

— Да вы не сердитесь, Оленька!... Мы васъ—любя. Посудите сами: въ военное время, на боевой позиціи—и вдругъ—дѣвица... Васъ въ институтѣ такъ краснѣть выучили?..

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ, что такое!.. Полковникъ, я прошу васъ заступиться за меня... Прикажите...

— Господа, не трогайте Оленьку, Богъ съ ней!.. Дѣвица она скромная, васъ не обижаетъ...—вступился полковникъ.—Зачѣмъ вы ее задѣваете?... Это съ вашей стороны кажется и не любезно... Право, совсѣмъ вы не умѣете съ дамами обращаться...

Подпоручикъ готовъ былъ расплакаться.

— Нѣтъ, вы лучше расскажите, какъ вы своему деньщику Шиллера въ русскомъ переводѣ читали!..

— Это еще что за новость?.. Оленька!?..

Но Оленька, вооружась терпѣніемъ, сосредоточенно уставилась въ жаркое—и ни слова.

— Видите—деньщика Оленькѣ назначили самого подлаго... Точно нарочно... Понятно—тотъ, раскусивъ Оленьку, сталъ пьянствовать на пропалую. Первымъ дѣломъ спустилъ все, что у него было,—а потомъ у дѣвицы нашей деньги началъ таскать... Оленька все это терпѣла недѣли двѣ, наконецъ рѣшилась исправить деньщика.—Ты, Сергѣй, пьешь

отъ скуки, потому что тебѣ дѣлать нечего... Такъ?—
 Точно такъ!—отвѣчалъ Сергѣй, а самъ звѣремъ смот-
 рить. Со вчерашняго дня голова трещить, стащиль
 собаку у Ефремова да за нее ничего ему не дали,
 назадъ принесъ... Ну, волкъ совершенный, Сергѣй.—
 Точно такъ-съ...—Ну, такъ вотъ,—блаженствуетъ
 Оленька,—чтобы ты не скучалъ и не пьянствовалъ,
 мы съ тобой будемъ читать; чего не поймешь, я
 тебѣ объясню...—Сначала было Сергѣй сообразить
 не могъ. Думалъ, не выдерутъ ли его—потому онъ
 уже въ разрядѣ штрафованныхъ значился... Нѣтъ,—
 видитъ, беретъ его благородіе книжку.—Ну, слу-
 шай, Сергѣй,—я тебѣ буду читать «Валленштейна»...
 Былъ такой великій полководецъ.. Примѣрно какъ
 нашъ... какъ нашъ...—Генераль Пузановъ, ваш-
 бродь!—Нѣтъ... Ну, хоть какъ Гурко... Слушай
 же...—Читалъ онъ ему часъ, два—въ потъ ударило
 Сергѣя... Затосковалъ. На другой день—та же исто-
 рія.—Сергѣй съ лица спалъ. Ходить голову повѣся.
 На третій день—Сергѣя точно изъ петли вынули.
 Встрѣчаю его:—Что, говорю, такой сякой, каковъ
 у тебя баринъ нынче?—Конецъ, говоритъ, мой при-
 шель, ваш-бродь!—А онъ, Сергѣй этотъ, прежде у
 меня деньщикомъ былъ, да только я его сплавилъ.—
 Конецъ мой! Такого барина я еще не видывалъ.
 Жестокій, говоритъ, у меня, ваш-бродь, офицеръ
 нонче...—Что же онъ дѣлаетъ съ тобой?—изумился

я, зная кротость Ольги Васильевны...—Простите, говорить, ну, только хошь что, вы—а злодѣй онъ мнѣ выходить... Столько я съ нимъ муки принялъ... столько муки... Легше мнѣ—по сту розогъ каждый день...—Да что же онъ съ тобой дѣлаеть?..—А какъ смеркнетъ, сейчасъ книжку—и давай мнѣ Бѣлоштина читать. Стоишь, стоишь—понять ничего не можешь, а онъ-то тебя морить, а онъ-то чудить,—и на разные голоса, и точно выпѣваетъ... Какъ хотите, ваш-бродь—нѣтъ моихъ силъ больше... Хочу къ ротному пойти... Пускай ужъ деруть... Я къ Филипову поручику лучше пойду: онъ хоша строгій, а книжкой морить не станетъ!..—И знаете—такъ его Ольга Васильевна вылечила отъ скуки «Валленштейномъ», что Сергѣй, наконецъ не выдержалъ—обокралъ его да на два дня и исчезъ. Нашли ужъ гдѣ-то въ кабакѣ пьяно-распьяно, лицо опухло глаза на выкатѣ какъ у рака...

— Къ разстрѣлу согласенъ!—ореть,—въ арестанскія роты сейчасъ,—а къ этому подпоручику—ни за что!... Такъ и не пошелъ къ Оленькѣ...

— Господа...—совсѣмъ уже мягкимъ, нѣжнымъ тономъ заговорила Оленька, совершенно оправдывая тѣмъ свое названіе — Господа... Скажите, что я вамъ сдѣлалъ?.. За что вы меня преслѣдуете такъ?..

Въ глазахъ юноши слышались слезы... Вотъ-вотъ

разрыдается... Всѣ потупились—очевидно неловко стало.

— За что?... Развѣ я дурной товарищъ?... Можетъ кто-нибудь на меня пожаловаться?... Скажите, кто мною не доволенъ? Сосѣди, какъ виноватые, еще ниже нагнули головы.

— Трусъ я?.. Не исполнилъ когда-нибудь приказанія отлынивалъ отъ дѣла?

— Тоже молчаніе.

— За что же?... За что?..

— Голубчикъ, Орѣховъ!.. —заговорили разомъ со всѣхъ сторонъ:—Ну, прости, пожалуйста!.. Чего ты обижаться вздумалъ? Ну, миръ—поцѣлуемся!..

— Какъ тебѣ не стыдно... Нашель къ чему придраться!..

— Если бы тебя не любили,—такъ и не приставали бы къ тебѣ.

Оленька пожала руки всѣмъ. На симпатичномъ молодомъ лицѣ Орѣхова такъ и отражалось волненіе—видимо не совладалъ съ собой... Чуть не заплакалъ даже...

— Господа!—поднялъ бокаль полковникъ:—позвольте предложить, господа—за нашего самаго молодого и самаго лучшаго товарища—подпоручика Орѣхова!..

— Урра!..

Еще пуще покраснѣвъ, юноша сталъ чокаться

со всѣми, уже совершенно счастивый и довольный.

— Я всегда васъ считалъ отличными людьми! Вы отличные... Хорошие...—откланивался онъ направо и налево.

— Стоимъ, стоимъ мы передъ этой Плевной, гниемъ въ грязи, а когда конецъ этому будетъ—одинъ Аллахъ знаетъ,—завель кто-то.

— Одинъ Аллахъ, да и тотъ никому объ этомъ не скажетъ.

— Какой бы ужъ конецъ. Теперь нашихъ довольно—начали бы поуменье...

— И расквасили бы себѣ носъ, какъ 30-го августа.

— А что, господа... Кто здѣсь изъ уцѣлѣвшихъ во время третьей Плевны? Не много, я думаю...

— Да вонъ одинъ, два, три, четыре... А остальные всѣ новые. Прежнихъ офицеровъ давно уже нѣтъ... Выбиты... Соймоновъ весь день 30-го августа дрался—уцѣлѣлъ, а въ началѣ октября отъ глупой пустой пули погибъ. Ъхаль верхомъ—неизвѣсто кто выстрѣдилъ. Можетъ быть, болгары въ окрестностяхъ турецкія ружья пробовали—и убили... Двое изъ старыхъ нашихъ угличанъ отъ тифа легли.. Все равно... Еще лучше на боевомъ полѣ—умирать...

— Да, многихъ уже нѣтъ, очень многихъ...

— На меня ничья смерть не производила такого

впечатлѣнія, какъ Барановскаго. Знаете, шель онъ на первый редутъ... Веселый такой, счастливый, улыбающійся... Что съ тобой, спрашиваю, чему обрадовался? Сегодня, говоритъ, утромъ отъ невѣсты письмо получилъ. Славное такое письмо... Бѣдная дѣвочка—какъ она изъ-за меня мучится!... Какъ только войнѣ конецъ—сейчасъ же я въ отпускъ и женюсь... Выйду къ отставку... Имѣннице у меня есть—будетъ чѣмъ перебиться... А если бы ты видѣлъ мою невѣсту... Какая она милень...—не договорилъ, поскользнулся... за меня схватился—да не удержался... тяжело рухнулъ внизъ... Нагнулся я—помочь ему встать—не встаетъ. Повернулъ его голову лицомъ вверхъ... Подняли его—глядимъ во лбу рана—кровь изъ нея... Вотъ-те и поскользнулся!

— Наповаль?

— Да, наповаль! Мнѣ же пришлось присутствовать и при концѣ этой исторіи... Послѣ третьей Плевны отправили меня въ Систово—нужно было кое-что купить для полка... Вдругъ подходитъ ко мнѣ прехорошенькая блондинка... Вы, говоритъ, шестнадцатой дивизіи?...—Да...—Что, у васъ много потерь? .. А сама спокойна совсѣмъ. Много, говорю... И убитые есть... Да, и убитые... Ну, а Барановскій здоровъ? Смотрю на нее во всѣ глаза. Какъ здоровъ?—отвѣчаю:—мы его дней восемь назадъ

похоронили!... Повѣрите ли—какъ подкошенная упала!

— Неужели невѣста?

— Она самая. Идя въ бой, онъ написалъ телеграмму: «Живъ и здоровъ». Отдалъ ее послать какому-то штабному, а тотъ сначала было забылъ; а дня черезъ три, когда бой кончился, вспомнилъ и послалъ. Невѣста получила телеграмму въ Одессѣ, обрадовалась, успокоилась за него и прикатила повидаться въ Систово...

Разговоръ на минуту оборвался. Со двора слышался одинъ изъ самыхъ громкихъ «номеровъ» удивительнаго оркестра...

— Вотъ орутъ-то!

— Пусть еще погромче!.. По крайней мѣрѣ, турки слышать, какъ мы время проводимъ!

Вдругъ одна изъ трубъ самыхъ звонкихъ какъ-то крякнула и оборвалась и вслѣдъ за ней весь хоръ словно потухъ.. Въ тишинѣ ясно слышалась отдаленная перестрѣлка...

— Что тамъ?

— Ваше высокоблагородіе!—вбѣжалъ въ клубъ «старшой», музыканта у насъ убило!

— Что такое? вскочили всѣ.

— Да *онъ* уже давно стрѣляетъ... А тутъ какъ горохомъ посыпалъ!

Выбѣжали на дворъ. Посреди хора—оторопѣв-

шаго и смущеннаго—лежалъ молодой солдатикъ, еще недавно хваставшійся своею раненою трубою... Лицо у него поблѣднѣло, глаза безнадежно скользили по наклонявшимся къ нему лицамъ. Раненая труба была брошена...

— Что это... Власенковъ!.. Куда тебя?

Музыкантъ безразлично взглянулъ на спрашивающаго полкового командира и тотчасъ же перевелъ глаза на Верховцева.

— Ой... горить...—стоналъ онъ.

— Да куда же его ударило?

— Въ лѣвый бокъ... За рукавомъ не видно...— Старшой нагнулся, отвелъ руку раненаго—подъ нею дыра въ шинели, кровь оттуда хлещетъ сильною струей... Черная лужа внизу...

— Носилки... Живо..! Старшой, бѣги за докторомъ!..

— Да, что это, турки взбѣсились, что ли?

— Богъ знаетъ!..

Перестрѣлка разгоралась, приближаясь слѣва... Пули сыпались уже на излетѣ въ Брестовець... Вотъ грянули ближайшія турецкія траншеи... Наша сейчасъ же впереди у Брестовца отвѣтила тоже.

— Знаете, что это, полковникъ?

— Ну!

— Генераль оттуда, слѣва, объѣзжаетъ позицію...

— Предъ-обѣденный моціонъ! проворчалъ сквозь зубы полковникъ.—Господа, въ траншею!..

Офицерство побѣжало туда...

Наша траншея была сейчасъ же позади офицерскаго клуба... Шагахъ во ста, не больше... Пули свистали вверху, чмокались о земь, шурша пронизывали голыя вѣтвидеревьевъ, такъ что срѣзанныя вѣтви падали внизъ...

— Скорѣй, господа!.. Скорѣй!..

— Здорово, ребята!.. слышалось вдалькѣ.

— Ура!.. гремѣла траншея...

Когда полковникъ съ офицеромъ добѣжали туда, генераль уже ускакалъ на правый флангъ.

— Есть потери?..

— Никакъ нѣтъ! рапортоваль офицеръ, оставшійся на позиціи.

— Ну, слава Богу... Что за подлецы! что они стрѣляютъ?..

— Сначала по генералу, полковникъ, а потомъ разохотились—и по насъ давай.

— Ну-ка, попотчуйте ихъ залпомъ.

Раздалась команда сѣрая кайма дыма точно обѣжала по всему гребню траншеи... Трескъ залпа всколыхнулъ застоившійся воздухъ...

— Это онъ въ туманѣ вѣрно къ туркамъ близко взялъ—его и замѣтили! соображалъ полковникъ.

— Прикажете еще залпъ?

— Нѣтъ, довольно! Что толку!.. И этотъ я напрасно... По воронамъ бьемъ.

Офицерство двинулось назадъ... Забрались опять въ клубъ—оканчивать прерванный обѣдъ.

— Компотъ простылъ! недовольно ихъ встрѣтилъ поваръ Ефимъ.—Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, какъ же такъ можно? только я компотъ подалъ—вы изъ-за стола... Этакъ хоть не готовъ!

— Ну, ладно, не болтай!

— А гдѣ же Оленька?... Орѣховъ?..

— По своему обыкновенію, вѣрно въ трапезѣ осталась. Вотъ нейметя!..

— Однако, господа, дѣйствительно пора перестать его травить... Шутка хороша—когда она никого не оскорбляетъ.

— Да вѣдь мы его очень любимъ. Мы не созла...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ довольно!.. Храбрый, хорошій офицеръ, а вы его точно дѣвчонку третируете.

— Будетъ, такъ будетъ!..

— Тоже вы анекдотъ этотъ съ деньщикомъ... Ужъ вѣрно онъ ему не Шиллера читалъ.

— Что-то въ родѣ этого...

— Надъ чѣмъ же смѣяться? Признайтесь, въ этомъ случаѣ онъ былъ человѣчнѣе и лучше васъ.

— А Сергѣй-то вѣдь все-таки, чуть съ горя не утопился...

— Въ водкѣ?..

— Ну, Сергѣй—дрянь солдатъ... А посмотри, какъ другіе солдаты любятъ... Разъ даже въ огонь силой не пустили... Ладно, говорятъ, ваше благородіе, есть и безъ васъ кому.

— Ну, господа, теперь и по домамъ пора.. Вечеромъ, еще, пожалуй, придетъ въ голову генералу опять подвинуться впередъ ближе къ туркамъ—дѣло и будетъ... Нужно отдохнуть.

Офицерство вышло изъ дому... Стали прощаться... Верховцевъ тоже направился-было къ себѣ...

— Это кого несутъ?.. Господа, стой!..

Вдали показались носилки... Четверо солдатъ бережно несли ихъ.

— Съ позиціи?..

— Да кого это?.. Неужели нашего?..

— Нѣтъ, должно быть съ лѣваго фланга... Тамъ сегодня владимірцы стоятъ.

— Кого несете?.. крикнулъ издали солдатамъ.

— Подпоручика Орѣхова!..

— Господи!.. Что съ нимъ?

Сразу точно потемнѣли всѣ, бросились къ носилкамъ.

— Голубчикъ, что съ вами? Юноша вы милый! Какъ это васъ?

Спокойное, спокойное молодое лицо... Только поблѣднѣло все и нижняя губа прикушена зубами,

точно онъ боится простонать... Грудь накрыта солдатскою шинелью... Глаза смотрятъ печально, словно прощаются—только безъ волненія, безъ ужаса смерти...

— Куда это васъ?..

— Прощайте!..

— Ну, вотъ!.. вѣрно пустяки... За докторомъ сейчасъ... Живо доктора сюда!

— Не надо... Не поможетъ...

Поднялъ руку, сбросилъ накрывавшую его шинель... Въ грудь ударило... Едва замѣтно... По краямъ пробитаго платья чуть-чуть кровь запеклась... Точно вскипаетъ она въ ранкѣ.

— Прощайте... Добрые... Не увидите больше своей... Оленьки...

Попробовалъ было улыбнуться, и улыбка уже на губахъ сложилась—да вдругъ изъ глазъ слезы...

— Умираетъ ваша Оленька... Не забывайте!.. Прощайте, товарищи... Прощайте... Полковникъ—дайте мнѣ вашу руку...

А перестрѣлка вдали уже давно утихла... Изрѣдка только слышалось сухое пощелкиваніе Пибодимартынокъ...

Сумерки густились на востокѣ... Точно оттуда ползла еще болѣе темная туча...

Въ первомъ огнѣ.

(Изъ военныхъ воспоминаній.)

Солнце только встало...

Его не видать еще за далекими крутыми горами, у самага берега Дуная сторожащими зеленую Добружду, но тумана уже какъ будто и не бывало...

Рѣка чиста... Медленно и величаво струится она, огибая отвѣсные выступы турецкой стороны... Далеко-далеко у вражьихъ отмелей, тамъ, гдѣ бѣлая пѣна прибоя кажется едва замѣтною серебряною нитью, плещется парусъ рыболова... Такъ мирно и снокойно кругомъ подъ безоблачнымъ небомъ, такъ тихо на цвѣтущихъ берегахъ, что самая мысль о враждѣ, о злобѣ людской кажется ужасно дикой въ эти первые часы южнаго утра...

Далеко-далеко—какія-то искры блестятъ въ воздухѣ.. Бѣлое движется подъ ними... Еще и не опредѣлилось это бѣлое, а Валахъ съ каруцой, только что было выѣхавшій на дорогу съ своей воловьей тропинки, засуетился—отводитъ воловъ въ сторону...

— Э, дракули (черти)! ругается онъ, негодуя

на ожидающее его препятствіе...—Чего добраго, еще заставятъ везти что-нибудь,—мелькаютъ у него неопредѣленные опасенія...—Нѣтъ, слава Богу... Это не наши,—а русскіе... Эти если и возьмутъ каруццу, такъ хорошо заплатятъ. Все, что спросишь, то и дадутъ... У нихъ совѣсть есть... А къ нашимъ бы попался—и каруццу и воловъ бы забрали... А вечеромъ каруццу на дрова, а воловъ на паприкашъ да на чорбу... Ищи тамъ—жалуйся! Расправы на нихъ нѣтъ—время военное...

«Да, время военное,—разсуждалъ про себя валахъ,—скверное время. И съ чего это наши тоже полѣзли въ драку? Сколько времени жили съ турками въ дружбѣ... Мы къ нимъ на ихъ берегъ, они къ намъ... Хорошіе люди... И выгодно было... Они всегда хорошо платили... Если они воровали у насъ, такъ вѣдь и мы у нихъ тоже... Я помню самъ пять буйволовъ утащилъ изъ подъ самыхъ Черноводъ. Съ этого и жить пошелъ... Нѣтъ, турки хорошіе люди... Въ Букарештѣ точно одурѣли все... Теперь съ этой войной разорились совсѣмъ. Кукуруза осталась непроданной. Сѣна тоже некому сбыть... Дороги на Дунай нѣтъ... Толкуютъ бояре въ своихъ палатахъ,—а мы потомъ рассчитывайся за нихъ... Теперь, говорятъ, всѣхъ въ ополченіе запишутъ... Я не хочу!.. Уйду куда-нибудь... Уйду просто на турецкую сторону. Хаджи-Мустафа сей-

часъ меня приметъ. Переживу у него до замиренья, — а тамъ и вернусь—скажу, въ плѣну былъ, съ берега сняли»...

Кстати припомнилось ему, что за нѣсколько дней,—ночью когда уже всѣ спали въ его избѣ; кто-то постучался въ окно. Онъ всталъ, отворилъ и наткнулся на Хаджи-Мустафу...

— Что у тебя три головы на плечахъ, что ли?.. Велѣно ловить масульманъ. Тебя въ тюрьму запрутъ...

— Ты не выдашь... Я къ тебѣ по дѣлу.

— Какое дѣло? говори скорѣй!.. Въ домъ тебя не зову... У меня солдаты стоятъ.

— Хорошее дѣло... Разбогатѣть можешь... Купцомъ станешь...

И Хаджи-Мустафа поручилъ ему сообщить туда,— на ту сторону въ Силистрію—все, что, узнаетъ онъ о передвиженіи русскихъ... Куда пойдутъ русскіе, зачѣмъ; не станутъ ли строить на берегу чего-нибудь, рыть землю... Не привезутъ ли сюда пушекъ... Если уйдутъ,—тоже дать знать...

— У турокъ денегъ мало! сообразилъ практическій румынъ.

— На это деньги есть... Вотъ тебѣ охранный листъ... Если тебя схватятъ у насъ—покажи! сейчасъ поведутъ къ пашѣ...

— Въ тюрьму?

— Зачѣмъ?.. Еще какъ благодарень будетъ... А теперь прощай... Нынче опасно... Какіе у тебя солдаты?..

— Такъ, двое пришли...

— Сначала двое, а скоро много будетъ... Мы ожидаемъ, что они сюда двинутся... Русскіе?

— Нѣтъ наши...

— Ну, эти не опасны... Помни, нынче много у насъ золотыхъ лиръ—кошельками отсыпаютъ за хорошія новости...

И Хаджи-Мустафа исчезъ въ темнотѣ... Изба стояла у отвѣснаго берега... Скоро валахъ услышалъ какой-то плескъ, а нѣсколько минутъ спустя въ яркомъ отсвѣтѣ луны, словно замершемъ на медленно струящемся Дунаѣ, показалось что-то черное... Валахъ всмотрѣлся: Хаджи Мустафа переплывалъ Дунай на соргѣ, которая никому не могла внушить подозрѣній...

Никакой мысли о томъ, что онъ задумывалъ измѣну своей родинѣ, не приходило въ голову валаху... Во-первыхъ, для него, безземельнаго работника на чужихъ поляхъ, родина—суровая мачеха, она хороша для жидовъ, для бояръ, для горожанъ, а ему—Турція лучше, потому что переправляясь на ту сторону, валахъ не одинъ разъ видѣлъ, какъ турки живутъ обильно и счастливо на своей землѣ, не вѣдая бояръ и помѣщиковъ: отдастъ деся-

тину каймакаму и знать ничего не хочет; а тутъ самъ посеѣ, да половину отвали землевладѣльцу, сборщику податей, да общинѣ—самому нечего не останется... Къ тому же онъ вѣдь не о своихъ станетъ говорить туркамъ, а объ русскихъ,—а они какіе же свои? Турки ему ближе. Онъ ихъ понимаетъ, сносится съ ними постоянно, а эти бродяги пришли откуда-то съ сѣвера и объявляютъ себя друзьями Румыніи... Хороши друзья!.. Нечего сказать... Втравили въ войну...

Очевидно, это идутъ вдоль берега русскіе...

Ихъ не мало...

Искры сверкаютъ на ихъ штыкахъ... Точно рѣка струится и солнце играетъ на ней. Бѣлыя рубахи въ пыли совсѣмъ. Сѣрые ранцы назади... Да, русскихъ здѣсь не мало... Ишь какъ вытянулись...

Валахъ взопелъ даже на каруццу...

Ого!.. не одни солдаты... Это что блеститъ въ вдали?.. Такъ и есть—мѣдныя пушки... Назади отброшены ихъ жерла... Бодро везутъ кони...

А тамъ опять солдаты... И еще орудія... Конца и краю нѣтъ этой силѣ... Хаджи-Мустафа дорого заплатитъ за нее... Стоитъ только выслѣдить, куда это все двигается и сколько всѣхъ... На глазъ хоть...

Вотъ изъ рядовъ выѣзжаетъ кто-то... къ нему... видимо—къ нему... Валахъ схватился за воловъ и давай тянуть ихъ въ сторону...

— Эй руманешти! постой!...

— Нушти, нушти!—заторопился валахъ.

— Чего тутъ нушти?.. Каруцца... Понимаешь!
каруцца.

— Штіу (понимаю).

— Ну, такъ вотъ—ты намъ каруццу подь офицерскія вещи... А мы тебѣ ханковъ дадимъ.

Румынъ замахалъ головой... Понялъ, дескать.

— Ишь молодець,—я зналъ, что ты у меня сообразишь...

— Патрополь... (четыре полуимперіала)—И валахъ давай высчитывать на пальцахъ: уно поль, дуо, треи, патро. Шти?

— Ну, это ты врешь... Четыре полуимперіала. Ты вотъ этого не хочешь ли?—поднесъ онъ къ самому носу валаха кулакъ внушительныхъ размѣровъ, такъ что черномазый погонщикъ отодвинулся.

— Давай по божески... Бери одинъ поль и шабашъ. Идетъ что-ли?

— Треи поль...

— Бери одинъ... Чего тутъ...—и верховой, сойдя съ сѣдла, схватился за каруццу.

Валахъ сообразилъ, что, отправившись съ отрядомъ, онъ узнаетъ многое, что ему нужно и согласился.

Солдаты повелъ воловъ, а валахъ совершенно равнодушно, ни мало не интересуясь ничѣмъ, по-

шелъ за нимъ. Между тѣмъ все время онъ упорно считалъ ряды, орудія, коней...

— Эхъ вы!.. Мамалыжники, кукурузники! ласково подталкивалъ его солдатъ...

— Нушти (не понимаю).

— Сидите вы подъ своей Карлой румынской, какъ есть во всемъ своемъ полномъ невѣжествѣ... Только у васъ и свѣту въ окнѣ... Табакъ это у тебя какой?... ткнулъ онъ его въ кисеть, висѣвшій на поясѣ.

— Давай-ка на сигарку!

И солдатъ безцеремонно всунулъ пальцы, корявые и узловатые, какъ древесный корень, въ мѣшокъ къ валаху.

— Что бы вы безъ насъ были?.. Такъ ничего...

Отрядъ этотъ еще вчера вышелъ изъ Ольтенцы...

Въ рядахъ солдатъ шелъ и вольноопредѣляющійся Малыгинъ--нашъ московскій знакомецъ.

Теперь его трудно было бы отличить отъ запыленныхъ товарищей. Таже бѣлая запыленная рубаха, тотъ же тяжелый ранецъ за плечами, то же загорѣлое, потное лицо, та же обношенная кепка на затылкѣ...

— Что, баринъ,—добродушно обращается къ нему молодой солдатъ, идущій рядомъ локоть къ локтю,—тяжелъ походъ съ непривычки?

— Ничего...

— Ну тоже, я такъ полагаю, ружьемъ плечо отдалило?.. Давайте-ка ружье сюда. Я его понесу. Мы носильщиками были—привычны.

— Спасибо, ужъ я самъ.

— Давай, баринъ, давай!..

— Нѣтъ, Семень, не надо... Самъ сумбю... Не такъ это трудно, какъ кажется.

— Ну, несите, коли хотите нашу солдатскую службу по всей правилѣ исполнять.

— Что, Малыгинъ, тяжело?—нагналъ его офицеръ, котораго свои пылы сдѣлали неотличимымъ отъ солдатъ.

— Ничего... бываетъ и хуже.

— То есть будетъ. Дайте только на ту сторону перебраться. Настоящее начнется тамъ.

— По Рассеѣ, ваше брагородіе, куда хуже...— вмѣшался Семеновъ.

— Почему это?

— Первое дѣло—нонѣ дождь, а второе—песокъ!.. А тутъ грунта твердая, не хлипкая, какъ у насъ.

— А вотъ погоди еще... И пески будутъ...

Отрядъ шелъ сдвоенными рядами...

Поднялись въ три часа ночи—теперь восемь; пять часовъ шли безъ привала, пользуясь прохладнымъ утренничкомъ. Приваль былъ назначень

съ селѣ Ружь де-Жіено, въ томъ береговомъ селѣ, куда двигался съ своей каруцой и валахъ, встрѣченный солдатами... А тамъ подъ вечеръ еще небольшой переходъ верстъ въ двѣнадцать и ночлегъ...

Солдаты шли молча—притомились.

Солнце уже высоко поднялось надъ горами Добружди и засверкало въ медленно текущихъ струяхъ лѣниваго Дуная...

Стало припекать... Затылки у солдатъ запотѣли: кепки точно сами собой сдвинулись назадъ, открывая бѣлые лбы, совсѣмъ не похожіе на почернѣвшія подъ южнымъ зноемъ лица. Отъ ранцевъ за спиною такъ и несло жаромъ—скоро нагрѣлись... Ноги уже не такъ бодро стучали по твердому грунту береговой полосы; малкіелевскій сапогъ—словно деревянный давалъ себя чувствовать... Пѣсни, еще недавно весело звучавшія на зорѣ, точно погасли... Кое-гдѣ пробовали онѣ вспыхивать, но не разгорѣвшись въ утомленныхъ рядахъ, глохли и глохли, пока совсѣмъ не умолкали. Унтеръ-офицеры пробовали было запѣвать тоже—да ужъ ни съ чѣмъ не сообразно выходило. Имъ, разумѣется, хорошо было—бы безъ ружей шли. Командиры, которые получше знали солдатъ, сошли съ коней, замѣшались въ ряды и, перебалтываясь съ сосѣдями, пѣшкомъ шли впередъ, разминая одеревенѣв-

шія въ сѣдлѣ ноги... Лодыри—покачивались на лошадяхъ, по самую морду тоже покрытыхъ пылью... Впереди шли еще кое-какъ и—ряды были правильны и солдаты, выбранные посильнѣе, подвигались бодро, даже въ ногу. Полковой командиръ покачивался въ сѣдлѣ, и его, толстаго, затмило солнцемъ—дремалось ему, хотя коротенькія окорока-ноги неумѣло держались въ стремяхъ, поминутно выскакивая оттуда. Въ такихъ случаяхъ все тѣло полковника сваливалось точно на сторону; открывая глаза, онъ порывисто схватывался за гриву лошади и оглядывался на солдатъ...

— Бодрѣй, бодрѣй, ребята!.. Молодцами, дѣти!.. Разъ-два, разъ-два... Правой, правой, правой...

Но усталъ брала свое, и командиръ опять начиналъ клевать носомъ, наѣзжая на луку сѣдла и опять схватываясь за гриву. Добрый конь помахивалъ головой, отхлестывался хвостомъ отъ оводовъ и слѣпней, залетавшихъ ему подъ брюхо. Хорошо видно кормятъ на полковыхъ харчахъ... даже сѣчься началъ. Тонкія струйки крови сочатся по бокамъ и по шеѣ...

За первыми, двигавшимися въ порядкѣ, еще хранилась кое-какая правильность рядовъ на десять...

Тутъ толпою шли въ сторонѣ офицеры—солдаты тянулись, не разстраивая короткихъ шеренгъ. За-

то чѣмъ дальше, тѣмъ порядка становилось меньше... Около Малыгина уже люди шли такъ себѣ, кто куда попало, а позади расползлись по полю—и помину нѣтъ о какойнибудь стройности... А тамъ дальше за интервалами двигаются орудія, гремя на своихъ зеленыхъ лафетахъ и сверкая на солнцѣ ярко вычищенною мѣдью... Тутъ уже по сторонамъ приваливались и отставшіе: кому сапоги ноги натерли, кто недавно боленъ былъ—еще не оправился и потому раньше другихъ усталъ, а кому такъ полодырничать захотѣлось. Еще на открытомъ мѣстѣ отставшихъ было мало; зато подъ тѣнистыми орѣшниками густо сидѣли и лежали солдаты... Нѣкоторые, какъ легли,—такъ и заснули на животѣ, лицомъ въ холодную, кипящую жизнью траву. Насѣкомые залѣзли и въ ротъ, и въ носъ, путались въ волосахъ и снова падали въ траву,—видимо будучи не въ силахъ одолѣть могучаго солдатскаго сна...

— Афремъ!.. Эй, Афремъ!.. Пора, вставай,—расталкиваль одинъ изъ отставшихъ товарища.

— Ну, чего еще! подымался онъ.

— Вставай! говорю... Вона куда ушли—погляди-ко...

— Вечеромъ нагонимъ... Будетъ время-то... Все равно.

И опять опрокидывался на траву...

По времѣнамъ на отставшихъ наскაკивали офицеры, гоняли ихъ,—но такъ себѣ, точно исполняя формальность, для очистки совѣсти. Солдаты именно смотрѣли такъ, Приподымались при появленіи офицера и потомъ опять падали въ траву... «Этотъ поручикъ добрый!»—рѣшали они—«Завсегда только кричить,—а чтобы зла, отъ него—ни Боже мой!»

— Съ лодырями ничего не подѣлаешь—рѣшалъ офицеръ и обращался въ спяты, догоняя свою часть...

Малыгинъ давно уже въ своей ротѣ. Онъ успѣлъ сжиться съ ея интересами, съ людьми, окружавшими его. Съ солдатами сошелся по-дружески,—не такъ, какъ другіе вольноопредѣляющіеся, которыхъ тянуло къ офицерамъ. Малыгинъ, не давая себѣ поблажки ни въ чемъ, дѣлалъ все то же самое, что дѣлала и его рота...

Теперь, глядя на синій Дунай, стараясь высмотрѣть что нибудь на томъ завѣтномъ берегу, что сѣрѣлъ за ослѣпительно сверкавшимъ просторомъ рѣки смутной полосой, однообразной внизу и только вверху всхолмливавшейся, Малыгинъ чувствовалъ новыя, неизвѣданныя еще ощущенія...

Вонъ та сторонка, куда идутъ теперь умирать сотни тысячъ народа!... Идутъ добровольно—не всѣхъ же гонить туда ненавистное приказаніе; кому и въ охоту... Чудились Малыгину на этой сѣ-

рой однообразной полосѣ—темныя пятна. Деревни, вѣрно... Садами окутанныя, сползали онѣ къ самой водѣ, потому что отъ бѣлой линіи прибоя прямо и подымались эти смутныя, неопредѣляющіяся за дальностью разстоянія пятна... Что тамъ теперь?... Можетъ быть, въ этотъ самый спокойный теплый день тамъ льется кровь: начинается беспощадное истребленіе... Можетъ быть, въ этой прелестной тишинѣ глушатся стоны и вопли, предсмертные крики жертвъ, мольбы ихъ и кровожадный хохотъ полачей, торжествующихъ свою дешевую побѣду надъ беззащитной слабостью и безоружной ницетою... Можетъ быть...

А какъ красива эта даль—какъ красива, не смотря на впечатлѣнія, навѣваемая ею!... Не оторвался бы отъ нея...

И невыразимо дикимъ показался на одну минуту весь этотъ походъ Малыгину—такъ спокойно скрипитъ каруцца валаха, такъ ровно подвигаются впередъ ея волы, направо и налѣво помахивая своими рогатыми башками, такъ мирно рыболовъ выметываетъ сѣти, такъ лѣниво движется рѣка, такъ привѣтливо зеленѣютъ луга... Причемъ же тутъ эти заряженные ружья, эта звенящая мѣдь грозныхъ орудій, эти суровыя ряды свернутыхъ въ походныя колонны солдатъ?.. Къ чему?..

Развѣ небо даетъ мало тепла и свѣта? Развѣ

Дунай остановился въ своемъ теченіи? Развѣ стихіи враждуютъ между собою? Вѣдь въ этомъ году, такъ же какъ и въ прошломъ,—изобилентъ урожай плодоносныхъ полей; такъ же наливаются и зрѣютъ благословенные виноградники юга,...

Въ первый разъ Малыгину показалаь нѣсколько странной принятая имъ на себя миссія.

— Зачѣмъ? къ чему?..

Но, словно въ отвѣтъ этимъ думамъ—назойливымъ и неотступнымъ, глухой гулъ пронесся далеко-далеко. Точно бѣлое принизанное свѣтомъ, облачко еще ранѣе поднялось оттуда въ высоту... Солдаты вздрогнули и разомъ подтянулись... Гулъ удара замеръ, но зато на смѣну ему явилось что-то странное, какой-то дрожащій стонъ, разсѣкающій воздухъ... Точно громадный стальной бичъ, вздрагивая, рѣжетъ разстоянія между тѣмъ и этимъ берегами. Ближе, ближе... Ряды солдатъ въ одно мгновеніе стали правильны. Локоть о локоть идутъ. И только у всѣхъ глаза налѣво... Туда, откуда приближается этотъ страшный звукъ.

Та-та-та-та! надъ самими головами... И вдругъ что-то точно ахнуло во все свое чугунное горло и зарылось въ песокъ, перелетѣвъ чрезъ головы походной колонны...

— Ишь, подлая!..

— Что это—поблѣднѣли лица молодыхъ солдатъ.

— Вотъ оно... Настоящее... Начинается...—думалъ про себя Малыгинъ, напряженно вглядываясь въ тотъ берегъ.

Дѣйствительно напряженно... Казалось, весь организмъ его, вся жизнь перешла въ глаза... Каждымъ нервомъ смотрѣлъ... Всѣ его мысли и ощущенія замерли на одну минуту... «Вотъ оно»—смутно шевелилось въ головѣ—а что оно, едва ли бы онъ самъ отвѣтилъ себѣ. Такъ какіе-то отрывки впечатлѣній, лохмотья идей... Кружатся вихремъ... Сердце бьется сильно-сильно... Сквозь рубаху слышно... Съ болью даже отдаетъ въ груди...

Другіе солдаты точно также... Словно глаза хотятъ проглядѣть... Одинъ споткнулся—а все-таки не отвелъ взгляда.

— Кому-то сегодня, Господи!—тихо было сказано, а всѣ услышали... Услышали, и нѣсколько человѣкъ разомъ, точно по командѣ, перекрестилось...

Полковникъ тоже пристально смотрѣлъ туда... И уже на луку не наѣзжаетъ... Инстинктивно передвинулъ бинокль на лѣвую сторону... Къ чему?—развѣ онъ защититъ?.. А зачѣмъ страусъ прячетъ голову—развѣ это спасетъ его?.. Такъ само дѣлается. Зачѣмъ солдаты крѣпче жмутъ локти къ боку?... Вѣдь «ружья вольно» такъ неудобно держать... Вѣдь отъ безобразнаго чугунаго осколка не защититъ лѣвая рука?

И чего смотрѣть туда? все равно ничего не разсмотришь...

Сѣрое морево берега... Тутъ онъ поближе подошелъ, рѣка съузилась. На немъ сѣрыя очертанія, едва-едва замѣтныя... Точно муравьиныя кучи... Рядомъ стоять... Между кучами темныя щели... Вонъ изъ одной такой щели вскинулось опять бѣлое облачко... Крикнуло на томъ берегу—гуль пошелъ кругомъ... Летить сюда...

— Перелетъ былъ... Недолетъ тоже... Теперча гляди въ оба...

Что-то взвизгнуло и впилося въ землю у самаго коня полкового командира... Пыль, комки земли—прямо въ лица всѣмъ... Обдало и застонало: заныло въ сторону,—видимо осколки туда полетѣли.

— Плачетъ!.. Должно чью-нибудь смерть несть...— замѣтилъ молодой солдатикъ рядомъ съ Малыгинымъ... Этотъ оглянулся на говорившаго... Совсѣмъ растерялся бѣдняга,, И лицо бѣлое-бѣлое и синіе круги подъ глазами... Малыгинъ смѣтрѣлъ на него и въ то же время удивлялся—какъ сталъ наблюдателемъ, ничего не пропустить... Не пропустилъ даже и того, что второй отъ него солдатъ какъ-то съежился и третью правую руку о холстину грязной рубахи... Точно она у него чешется... А вотъ тотъ впереди... носокъ вытягиваетъ—самъ

точно аршинъ проглотилъ—на ученѣ навѣрно не пройдетъ вѣрно. Навѣрно не пройдетъ...

Еще бѣлое облачко изъ тѣхъ муравьиныхъ кучъ...
Еще выстрѣлъ, и новая граната летитъ... только звукъ ея тихій какой-то... Шипитъ, проклятая!..

Одинъ изъ солдатъ приснулъ.

— Ты что?—строго оглянулись на него сосѣди.

— Да вишь она что кричитъ...

— Что? «Вижу, вижу, вижу»—кричитъ.

Но тутъ смѣшливый солдатикъ оборвался и присѣлъ къ землѣ. Присѣли и другіе... Невольно на мгновеніе присѣли... Еще бы—надъ самыми головами точно металлическій колоколь раскололся или чудо-вищная громадная струна лопнула... осколки полетѣли во всѣ стороны...

— Честь имѣю съ шрапнелью поздравить!—подлетѣлъ къ полковнику молоденькій адъютантъ съ радостнымъ лицомъ, точно его сейчасъ по головкѣ погладили...

— Да, это шрапнель... Ишь, проклятые, чѣмъ угощать вздумали...

— Они еще сейчасъ... Вы только посмотрите... Сейчасъ еще бацнуть...

— Да вы-то чему радуетесь?

— Какъ же, полковникъ!... Первый огонь...

— Такъ какъ, братъ: вижу, вижу, вижу—а самъ

присѣлъ...—подтрунилъ старый унтеръ надъ смѣш-
ливымъ солдатикомъ.

— Я и присѣлъ для того, чтобы она не увидѣла...
нашелся тотъ... И самъ расхохотался...

Засмѣялись и остальные, только какъ-то нервно...
Точно торопились смѣяться, точно думали, что чрезъ
минуту ужъ нельзя будетъ смѣяться. Оттого и
смѣхъ вышелъ надтреснутый... Люди съ очень боль-
ною грудью смѣются такъ...

— Что, Малыгинъ, страшно?—крикнулъ офи-
церъ.

— Не знаю пока, ей-Богу!..совершенно искрен-
но отвѣтилъ Малыгинъ, который теперь положи-
тельно затруднился бы отвѣтить, что онъ чувст-
вуетъ...—Никакъ не опредѣлишь...

— А вы, братцы, турецкимъ гостинцамъ ужъ
очень низко кланяетесь... Что вы шею-то въ дро-
вахъ нашли, что ли... Не слишкомъ гните ее—въ
оглоблю вѣдь не согнете... А виноватаго—смерть
вездѣ отыщется...

— Это точно, вашескорodie!—послышалось въ
рядахъ.

— Ну, то-то... Иди, какъ будто тебѣ дѣла
нѣтъ.

— Гдѣ полковникъ? гдѣ полковникъ?...—слыша-
лось позади.

— Раздайся, ребята!... Раздайся!... Гдѣ командиръ?..

И молодой артиллерійскій офицеръ, пришпоривая лошадь, тяжелую и неуклюжую, проѣзжалъ сквозь ряды впередъ...

— Вамъ что?—обернулся къ нему ротный.

— Да хотимъ за любезность любезностью отвѣтить туркамъ.

— Вотъ это ладно...—встрепенулись солдаты...— Они намъ оттуда—«здорово, молодцы», а мы имъ: «рады стараться» совсѣмъ другой разговоръ пойдеть...

— Господинъ полковникъ! Батарейный просить позволенія открыть огонь по тому берегу. А то вѣдь они насъ во весь путь стануть преслѣдовать..

— Мнѣ и самому въ голову приходило... Да хватять ли наши снаряды?... Вѣдь тутъ версты три пожалуй?

— Три не будетъ!... Мы подроемъ хобота у орудій... Какъ-нибудь... Нужно же показать имъ, что и мы не съ пустыми руками... Тутъ вотъ кстати оврагъ... Туда можно людей спрятать, чтобы лишнихъ потерь не было.

— Ну что же?... Съ Богомъ! Снимайтесь съ передковъ!..

— Сейчасъ, сейчасъ... Сейчасъ начнутъ наши!—сѣялъ офицеръ пробираясь назадъ.

— Ну, слава Богу... Все веселѣй...

— Стой!—послышалась команда.—Господа рот-

ные командиры, отведите людей вонъ въ тотъ оврагъ...

Сказано—сдѣлано... Солдаты спрятались... Смѣшливый, тотъ сейчасъ же кувыркомъ и заходилъ на рукахъ въ верхъ ногами.

— Ты что это, Семенюкъ?—засмѣялся офицеръ.

— Туркамъ, вашескородіе, на сапоги жалюсь... Очень ужъ товаръ плохъ...

— Онъ въ чистую хочетъ... Турка ему ноги оторветъ: Семенюка на костыли и въ Рассею.

— Нѣтъ, врешь, я это имъ показываю, какія-такія у насъ ноги есть... Сейчасъ къ нимъ въ Кистинтинополь самый...

Край оврага унизали головы въ грязныхъ фескахъ... Лежа на животахъ, солдаты съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что сдѣлаетъ наша «антилерія»...

Мѣдныя жерла орудій теперь направлены туда, на муравьиныя кучи... Рѣжущимъ глаза блескомъ сверкаетъ на пушкахъ солнце, уже поднявшееся высоко, высоко надъ дальними, въ золотистый паръ окутавшимися горами Добружди... Черная куча людей возится у орудій. Подрываютъ хоботъ, берутъ дистанціи. Вотъ одинъ бѣжитъ отъ заряднаго ящика, держа въ рукахъ что-то черное, коническое... Вотъ другой... Полковникъ — верхомъ — суетится тутъ же...

— Эхъ, не долетитъ... — волнуется онъ... — Я увѣренъ, что не долетитъ...

— А вотъ сейчасъ увидимъ... Ну, прочь отъ орудій!.. Готово?

— Есть!..

— Первое...

Оглушительно гаркнулъ мѣдный зевъ, и тяжелое мѣдно чудовище откатилось, словно застонавъ металлическимъ дрожащимъ стономъ,.. Дымъ отнесло назадъ. На секунду окутало солдатъ и потомъ развѣяло по полю.

— Ну, что?

— Сейчасъ... Недолетъ... Саженьяхъ, надо полагать, въ двухстахъ отъ берега... — заявилъ офицеръ, слѣдившій за полетомъ гранаты въ бинокль.

— Скверно!.. Еще подрить хобота!.. Сколько можно...

— У нихъ пароходъ у берега... Отходить въ сторону... За островъ пятится...

— Не любить!..

— Второе!..

— Теперь у самого берега!..

Третья—была всего удачнѣе. Простымъ глазомъ видно было, какъ тамъ—у этихъ муравьиныхъ кучъ—взрыло землю. Точно камешекъ въ пыль ударился.

— У самой амбразуры...

— Четвертое!..

Странное дѣло... Все это совсѣмъ не нравилось Малыгину... Хладнокровное истребленіе издали. Совсѣмъ иное рисоваль онъ себѣ... За что мы бьемъ тѣхъ? за что они насъ?... Ничего другъ другу не сдѣлали... Такъ же они сидятъ тамъ себѣ за валами и направляютъ на насъ свои пушки... не чувствуя вовсе вражды, не зная, въ кого они стрѣляютъ... А этотъ день сегодня!.. Какъ нарочно—такой мирный, тихій... Чуть-чуть стелется степная трава повалашской равнинѣ, мягко стелется, медлительно гонить свои зеленые волны, также медлительно, какъ Дунай свои... Жаворонокъ взвился въ верхъ и распѣваетъ тамъ, утонувъ въ теплѣ и свѣтѣ... Вонъ сурокъ мелькнулъ на песчаномъ обрывѣ и, переваливаясь, точно тыкаясь мордочкой объ землю, суетливо убрался въ свою темную норку... Сѣрый, коршунъ раскинулъ, широко раскинулъ могучія крылья—и хищно высматриваетъ что-то сверху. Но онъ понятенъ. Ему ѣсть надо... А тутъ... Ради чего какой-нибудь Абдуль или Гассанъ оттуда стрѣляетъ по Семенюку, который уже совсѣмъ вошелъ въ роль и, повязавъ сверхъ кепи платокъ, показываетъ, какъ деревенская баба пугается турецкаго орудія... Нетребовательныя слушатели смѣются надъ наивнымъ остроуміемъ Семенюка, офицеръ даже ему «цыгарку» далъ, и солдатъ, совсѣмъ ошастливленный,

ничего лучше не желаетъ, находя свое положеніе въ данную минуту прекраснымъ... «Ужасно это не похоже на настоящую войну», не унимался Малыгинъ, слѣдя за бѣлыми облачками, вскакивавшими на томъ берегу... И ничего страшнаго, рѣшительно ничего... Точно въ театрѣ—сидишь себѣ въ спокойномъ креслѣ—а передъ тобой слышатся выстрѣлы...

— Ай... Убили!.. Голубчики!..

Что-то влажное, мягкое, остро-пахнущее, брызнуло прямо въ лицо Малагина...

— Милые!.. Конецъ мой!..—тише и тише звучалъ голосъ.

Едва отеръ глаза Малыгинъ отъ чужой крови. И вздрогнулъ весь, и сразу жутко и холодно стало ему..

— Носилки!..—нервно кричалъ офицеръ.—Санитары!.. Гдѣ санитары?..

— Носилки!.. Носилки!..—слышится кругомъ. уносясь дальше утихая...

— Кого это? Кого тронуло?..—словно въ отвѣтъ растеть оттуда сюда.

— Семенюка, братцы... Ахъ, ты Господи!... Вотъ не думалъ, не гадалъ...

— Наконецъ, Малыгинъ очнулся... Шагахъ въ десяти—Семенюкъ лежитъ навзничъ. Лицо зелено-вато-блѣдное... Въ глазахъ—ужасъ; ноздри какъ-то

въ верхъ вздернулись, такъ что круглый, добродушный носъ смѣшливаго солдата заострился, поблѣвъ на концѣ. Кепи откатилось назадъ, а волосы—мокрые прилипли ко лбу... Ротъ полуоткрытый, скорѣе даже оскаленъ: сквозь зубы проступаетъ и всплывааетъ кровь... Рука правая съ растопыренными пальцами заостенѣла надъ лицомъ, точно онъ защищается ею,—а лѣвая откинулась въ сторону и царапаетъ сѣрую, сухую землю обрыва... Царапаетъ, впивается въ нее, точно до чего-то дорыться хочетъ... Судорожно царапаетъ—не чувствуютъ боли эти разомъ посинѣвшіе пальцы...

Во всю грудь какое-то красное мѣсиво... Такъ и хлещетъ оттуда кровь... Перервало ремень отъ ранца, который безобразно торчитъ по сторонамъ... Рубаха не рубаха, мясо не мясо... Точно конецъ разбитаго ребра выставился наружу...

— Живо носилки!.. Скоты этакіе!.. Ребята, накройте его!..

Въ Малыгинѣ все точно застыло... Только глаза видятъ; глаза видятъ и ухо слышитъ... И тѣ и другіе не могутъ оторваться отъ Семенюка. Совсѣмъ не могутъ. Точно прикованы къ нему. Взглядъ до послѣдней детали подмѣчаетъ все... Въ этой растопыренной рукѣ, которой онъ, Семенюкъ, точно защищается отъ чего-то невидимаго, только большой палецъ жазать къ ладони, придерживая сигару, подаренную

несчастному офицеромъ. «И чего онъ ее держать?..» Сигара еще курится и легкій, синеватый дымокъ вьется вокругъ искривившихся пальцевъ...

Вонъ что-то хочетъ сказать Семенюкъ—не можетъ. Только губы вздрагиваютъ, да ротъ открывается парюю, какъ у рыбы, когда ее выбросятъ на сухой берегъ, выхвативъ изъ привѣтливой синѣющей глубины тихой рѣченки... Точно зѣваетъ Семенюкъ, и съ каждымъ зѣвкомъ что-то хриплое вырывается изъ горла и новая кровь вскипаетъ на его груди...

Капли пота проступили у него на щекахъ, одна оставила грязный слѣдъ покатила къ уху, края которого тоже будто посинѣли...

Когда принесли носилки и подняли Семенюка, онъ и въ воздухѣ царапалъ воображаемую землю... Положили его на бѣлую холстину— онъ удивленно какъ-то взглянулъ на чистое, сіявшее надъ нимъ голубое небо... Выраженіе ужаса сбѣжало съ лица... Рука, царапавшая воздухъ повисла...

Смѣшливаго солдата не стало...

Ужасно правильны стали ряды... Точно на ученьи... Оставшіе повставали и догоняютъ своихъ... Озабоченно, хлопотливо догоняютъ... Полковой командиръ впереди побагровѣлъ, подтянулъ поводья лошади, и ни съ того, ни съ чего заоралъ: «смирно!»... Еще и нѣсколькихъ секундъ не прошло,—а ужъ

вся колонна вытянулась правильно. Офицеры на своихъ мѣстахъ... Солдаты отбиваютъ шагъ—точно теперь въ этомъ самая суть...

— Что это?—перебрасывается по рядамъ.

Толстяка полковника не узнать—оправился.

— Не робѣй, ребята!.. У нихъ артиллеристы сволочь... Ишь перелеты да недолеты... Молодцами...—Понастроилъ баттарей... Оттуда и палить онъ...

Еще бѣлое облачко точно вскинулось тамъ же... Новый громаднѣйшій чугунный шмель жужжить въ воздухѣ... Всплескъ воды въ Дунай на высоту... Бухнулось, видимо, въ воду—проклятое... Брызги на солнцѣ загорѣлись на мгновение бриллиантовымъ блескомъ.

— Недолеть!..

— Музыканты, впередъ!—командуетъ полковникъ.

Громкіе мотивы марша окончательно разбудили спавшую окрестность...

Мѣдныя трубы точно старались перекрычать одна другую...

А справа граната за гранатой падали то въ Дунай, то далеко въ зеленяя поля румынскаго берега...

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ
А. Я. Панафидина.

МОСКВА, Поврвва, Ляливъ пер., соб. д. № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I. — Пустыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Микѣшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изданіе 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособие, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ пакѣ 1 р. 50 к. въ перепл. 2 р.

Тоже. Вып. II-ой. — Инородцы лѣсовъ Сибирь, съ рисункъ Брожа и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ пакѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Манягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и толкователь.

Его-же. Еолга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога ученич. библ. средн. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ пакѣ 1 р. 25 к. въ перепл. 1 р. 60 к.

Бурдонъ и Михельсонъ.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ

вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ,
съ означеніемъ ихъ корней.

Изданіе девятое исправленное и дополненное
В. Кошкарнымъ.

М. 1899 г. Ц. 60 к., въ пер. 85 к.

Предпринимая изданіе настоящаго словаря, я имѣлъ цѣлью дать возможность каждому приобрѣсти полезную книгу по самой общедоступной цѣнѣ. По своей полнотѣ этотъ словарь имѣетъ большое преимущество передъ другими изданіями того-же рода: въ немъ помѣщено около 20,000 словъ, тогда какъ этотъ-же словарь (Михельсона и Бурдона, цѣна 4 р.) въ прежнихъ изданіяхъ, хотя и былъ озаглавленъ: „150000 иностранныхъ словъ“, однако содержалъ въ себѣ всего 22—23 тысячи словъ, въ томъ числѣ массу лишнихъ, какъ-то: переводъ еврейскихъ и другихъ собственныхъ именъ, спеціальныхъ латинскихъ названій различныхъ болѣзней, медицинскихъ и другихъ терминовъ и т. д., которые изъяты при исправленіи. Словарь же Дубровскаго (цѣна 1 р.) содержитъ въ себѣ всего 15—16 тысячъ словъ. Источниками при исправленіи и дополненіи словаря служили: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, словарь Граната и другія не менѣе извѣстныя изданія. Кромѣ того я приложилъ всѣ старанія, чтобы дать книгѣ изящную внѣшность: словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 476 стр. убористой, отчетливой печати въ два столбца. Насколько я достигъ своей цѣли—предоставляю судить читателю (публикѣ).

Александровъ Н.

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 2-е. Жители дѣсной полосы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Повороссія (Богатыя степи). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М. 1898 г. ц. 10 к.

* Чтеніе 5-е. Крымъ (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г. ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущены въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народн. бібліотеки и читальни, и для публичныхъ народн. чтеній.

Чтеніе 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы). М. 1899 г., ц. 15 к.

Чтеніе 8-е. Камчадалы и Курильцы. (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ). М., 1899 г., ц. 15 к.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соотвѣтствующей тексту.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографія: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпущкина, Кольцова, Ермака Тимофеича, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Дюфрэнъ, I. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разстановки и др. ходовъ шахматъ. М., 1897 г., ц. 50 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ учебника нѣмецкаго языка **Ивана Аллендорфа**, ч. I. и II. Составленъ по послѣднему изданію М. 1899 г., ц. по 15 коп. кажд. часть.

— Къ полному курсу французскаго языка **А. Шалланда**, по послѣднему изданію. Съ прибавленіемъ перевода статей съ французскаго языка на русскій и обратно. Ч. I-я. М. 1898 г., ц. 20 к.

— То же, ч. II. М. 1899 г. ц. 35 к.

Колокольникова, В. Кавказъ, очеркъ. М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народн. чтеній.

Ея же. Церковно славянскій словарь. Для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтыри и Часослова. С.-Пб., 1897 г., ц. 10 к.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчашій, составленныхъ по В. Ѳ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ библіотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія въ баснямъ (по В. Ѳ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Томе, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 73-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. М. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 к., въ папкѣ 20 к. и въ коленкор. перепл. 35 к.

М. Н. Пр. допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учеб. заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Ея же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портр. Ломоносова. М., 1897 г., ц. 10 к.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Ея же. Страна восходящаго солнца (Лповія). М. 1898 г. ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Съ портретомъ Кольцова. М. 1897 г., цѣна 20 к. Допущено въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Богданъ Шипинъ. Разсказъ для юношества М. 1899 г. ц. 20 к.

— Бродяжки. Разсказъ для юношества М. 1899 г. ц. 20 к.

— Глупый Федька. Разсказъ для юношества М. 1899 г., ц. 20 к.

Каждая книжка съ картинкой на обложкѣ соответствующая тексту.

Хмѣлева, О. Н. Каменные пасынки каменной мачехи. (Очеркъ Финляндіи). М. 1898 г., ц. 15 к. Съ 2-мя картинками на обложкѣ.

Одобрено для училищъ средняго возраста, библіотекъ всѣхъ родовъ учебн. зав. мужскихъ и женскихъ и для библіотекъ городскихъ училищъ и учительск. семинарій.

Ея же. Правда объ Уссурійскомъ краѣ и его обитателяхъ. Подъ редакціей бывшаго агронома при Приамурскомъ Генераль-Губернаторѣ Н. А. Крюкова. Москва, 1899 г. ц. 25 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Шелонскій, Н. Владѣнія русскаго Царя. Гдѣ живетъ русскій народъ. Съ картой Европейской и Азіатской Россіи. Ц. 20 к.

Его же. Уральскія горы и какъ онѣ раздѣляются. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

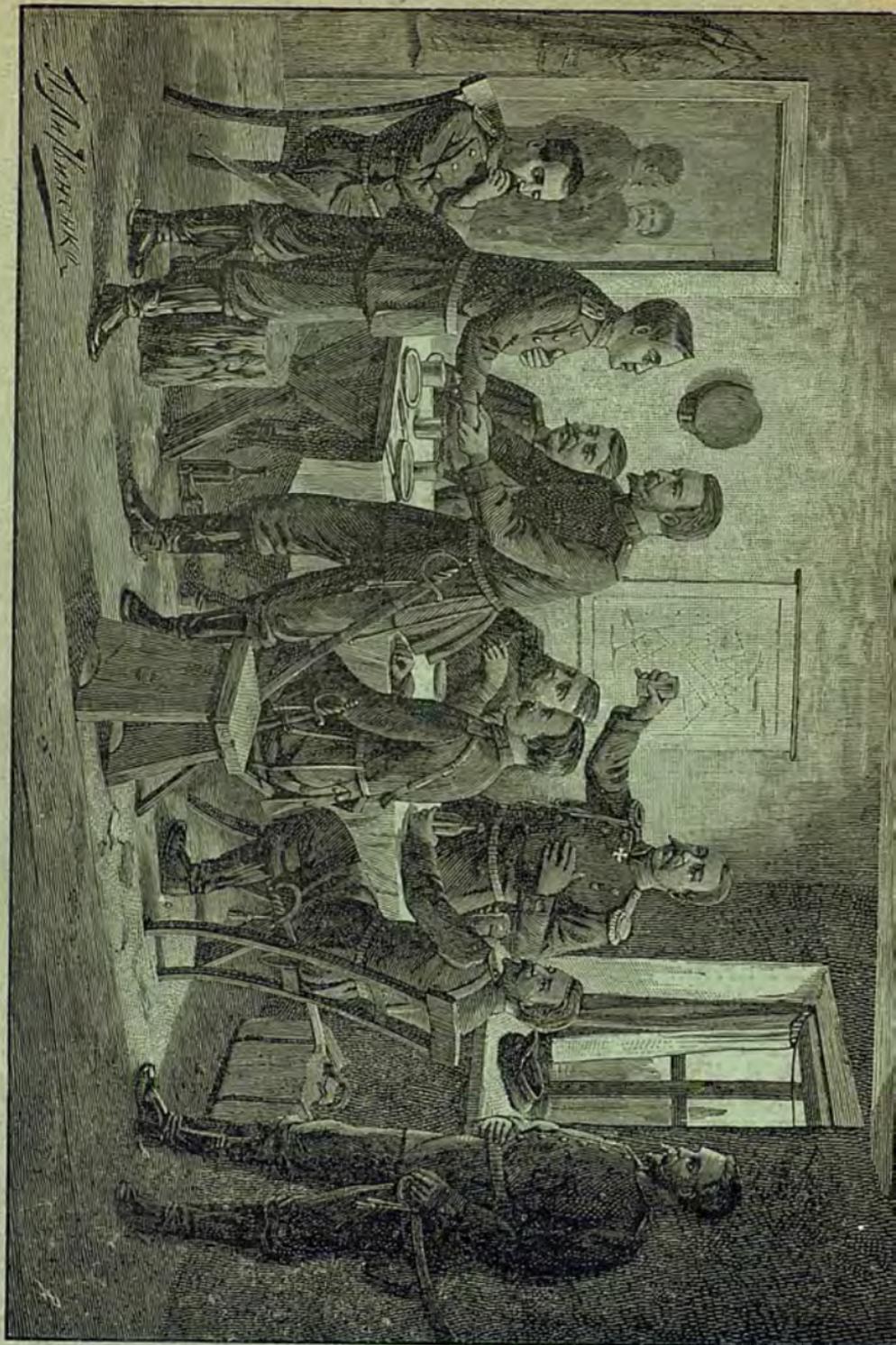
Его же. Императоръ Николай I, черты и анекдоты изъ его жизни. Съ портретомъ Императ. Николая I. М., 1897 г., ц. 15 к.

Его же. Амурскій край и рѣка Амуръ. (Привольныя мѣста Русской земли). М., 1897 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библ. и читальни и для публичныхъ народн. чтеній.

Его же. Золотая Сибирь. Что такое золото и гдѣ его добываютъ. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народ. библ. и читальни и для народ. публичн. чтеній.

Цѣна 20 коп.